

редактор «Мира женщины», сотрудничество в «Классовой борьбе» и «Марксистских листках». 1933 г. — эмиграция в Бельгию, вступление в ряды RSD. 1935 г. — эмиграция в Нью-Йорк; с 1941 г. — член социал-демократического Совета по освобождению Германии от нацизма и Ассоциации свободных немцев.

⁴⁶ Марк, Зигфрид (1889—1957), в СДПГ пришел из круга младосоциалистической оппозиции. 1933 г. — эмиграция во Францию; сотрудничество с «Нойер Форвертс» и «Дойче Фрайхайт». Член оппозиционной группы СДПГ в Париже, находившейся под влиянием так называемых социал-демократических левых. Март 1934 г. — роспуск группы и новое конституирование под председательством Марка. Конец 1934 г. — распад группы и отставка Марка. 1939 г. — эмиграция в США. Член Ассоциации свободных немцев; присоединение к Немецкой рабочей делегации.

⁴⁷ Katz (New York) an Stampfer (Paris) 9.9.1939 // *Mit dem Gesicht nach Deutschland. Eine Dokumentation über die sozialdemokratische Emigration.* Aus dem Nachlaß von Friedrich Stampfer. Düsseldorf, 1968. Dok. 70. S. 415.

⁴⁸ *Schneider, Michael.* Unterm Hakenkreuz. Arbeiter und Arbeiterbewegung 1933 bis 1939. Bonn, 1999. С. 1057.

⁴⁹ *Foitzik, Jan.* Op. cit. S. 84.

⁵⁰ *Мюнценберг, Вилли* (1889—1940), 1919 г. — вступление в ряды КПП, с 1924 г. — член ЦК КПП. Создатель и руководитель «Мюнценберг-концерна», состоявшего из ряда коммунистических печатных изданий; 1933 г. — эмиграция во Францию. В 1935 г. участник VII Конгресса Коминтерна, после которого развивал инициативу по созданию Народного фронта в эмиграции. 1939 г. — исключение из КПП по подозрению в троцкистской деятельности; присоединение к DFP; основание группы «Друзья социалистического единства Германии» (группа Мюнценберга). В 1940 г. при отступлении из лагеря интернированных вблизи Лиона погиб при невыясненных обстоятельствах.

⁵¹ *Leonhard, Wolfgang.* Der Schock des Hitler-Stalin-Paktes. Erinnerungen aus der Sowjetunion, Westeuropa und USA. Freiburg; Basel; Wien, 1986. S. 213—214.

⁵² *F. Stampfer.* Die dritte Emigration // *Mit dem Gesicht nach Deutschland.* S. 112.

Г. Н. Мокшин

**ИДЕОЛОГИ ЛЕГАЛЬНОГО НАРОДНИЧЕСТВА
ОБ ИСТОРИЧЕСКОЙ МИССИИ
РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**

Что такое русская интеллигенция и какова ее роль в общественной жизни дореволюционной России? Исключительную остроту эти вопросы приобретают в последней трети XIX в.,

когда разночинская интеллигенция устами теоретиков народничества заявила о себе как о независимой общественной силе, призванной изменить ход русской истории.

В литературе по общественной мысли пореформенной России проблема самоидентификации русской интеллигенции изучается давно и достаточно плодотворно. Особое внимание современных исследователей привлекают представители так называемого легального или реформаторского крыла народничества¹. И это не случайно. Разработанное ими учение о практических задачах образованных классов общества в условиях ускоренной экономической и политической модернизации страны оказалось актуальным и для современной России, переживающей еще одну попытку перестроить ее по образцу передовых европейских держав.

Опираясь на сочинения идеологов легального народничества 70—90-х гг. XIX в. (В. П. Воронцова, С. Н. Кривенко, Н. К. Михайловского, Л. Е. Оболенского и др.), мы попытаемся объяснить причины возникновения народнической концепции русской интеллигенции как «великого фактора общественной эволюции» и воссоздать ее основные положения.

О том, что демократическая интеллигенция может и должна сыграть в русской истории особую и, несомненно, прогрессивную роль, подобную той, что в средневековой Западной Европе выпала на долю молодой буржуазии, народнические теоретики заговорили примерно с рубежа 1860—1870-х гг. К этому времени под влиянием либеральных реформ (прежде всего в области просвещения) в России появляется относительно многочисленный слой разночинской интеллигенции. Разрыв с традиционным укладом жизни своих отцов и неустроенность нового (по сути маргинального) положения, по причине культурной отсталости России, сделали эту новоиспеченную интеллигенцию чрезвычайно восприимчивой к идеологиям радикального толка. К последним относилась и народническая доктрина, обещавшая «умственному пролетариату» стопроцентную занятость при условии немедленной демократизации страны. Одной интеллигенции разрешить эту «сверхзадачу» было не по силам. Но она могла *ускорить* ход социального прогресса в России, «приобщив» к нему подлинного демиурга истории — его величество русский народ. Так, по крайней мере, учили своих последователей родоначальники русского народничества А. И. Герцен, Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов.

Изменение представлений образованной молодежи о своем общественном предназначении, которое отныне выходило за рамки ее профессиональных обязанностей, способствовало по-

явлению в первой половине 1870-х гг. специфически русского понятия «интеллигенция». Во всех современных европейских языках термин «интеллигенция» (от лат. *intelligens* — знающий, понимающий, разумный) означает работников умственного труда со специальным высшим образованием — педагогическим, медицинским, юридическим, художественным, техническим и т.п. В интерпретации теоретиков народничества, настоящая «русская интеллигенция» — это совершенно особая социальная группа, отличающаяся от остального населения своим бессловным происхождением, определенным (критическим) типом мышления и особой альтруистической моралью².

Главным критерием принадлежности к новой русской интеллигенции выступала деятельность в пользу общества, стремление к совершенствованию существующего порядка, к уничтожению всяких привилегий во имя идеи всеобщего блага и процветания, а не ради своих личных или «карманных» интересов. «Выдвинутая процессом истории и дошедшая до сознания гражданских своих обязанностей, — писал о разночинской интеллигенции С. Н. Кривенко, — она отдает себя всецело общественному делу и, прежде всего, думает об этом деле, а не о себе, своем брюхе». Интеллигенция «постольку и существует, поскольку нужна народу, и *до тех пор* существует, пока в ней имеется необходимость, как в отдельной, дифференцированной силе...»³. Со временем, когда в самом народе создастся могучее движение к социальному, политическому и культурному переустройству страны, интеллигенция должна была влиться в его ряды и служить новой России посредством честного исполнения своего профессионального долга⁴.

Наделяя демократическую русскую интеллигенцию такими идеальными качествами, как критическое мышление, т.е. осознание необходимости радикальных общественных преобразований, желание служить народу и бороться за его дело без всяких личных расчетов, могучее чувство сострадания ко всем униженным и оскорбленным, народнические публицисты прекрасно понимали, что «немного у нас такой интеллигенции». «Деятельность ее, — как замечали «Отечественные записки», — только... начинается, но такова именно *новая* интеллигенция, которой предстоит сыграть историческую роль...»⁵.

Важнейшие функции этой новой интеллигенции, по представлению идеологов легального народничества, состояли в следующем. Во-первых, это отрицание старого феодально-крепостнического и нового буржуазного порядка ради торжества «идей более светлых и начал более справедливых». Речь, разумеется,

шла о социализме — общественном строе, при котором, как надеялись народники, будут устранены главные причины «торжествующего в жизни зла» — разделение общества на работников умственного и физического труда и его прямое следствие — эксплуатация человека человеком. Во-вторых, указание форм быта, отвечающих новым потребностям страны, и «построение самостоятельной эволюции» социально-экономических отношений. Наконец, третья важная функция интеллигенции заключалась в ее просветительском воздействии на общество и народ и формировании у них нового общественного самосознания, основанного на идее служения высшим общечеловеческим идеалам⁶.

«Мы должны устроить благосостояние и правовой порядок для собственного народа согласно с его бытовыми особенностями, миросозерцанием и высоким идеалом общежития, — конкретизировал задачи демократической интеллигенции С. Кривенко, — должны... дать ему обильную духовную пищу», развить крестьянское самосознание и самостоятельность (лучшую школу ответственности). Иначе любые проводимые в стране преобразования не пустят глубоких корней, человеческие отношения не сделаются справедливее, и Россия будет по-прежнему путешествовать «в хвосте европейской цивилизации»⁷. В защите интересов простого народа, в создании условий для его развития и состояла, по убеждению народников, великая миссия демократической русской интеллигенции. «Не любим мы эту интеллигенцию, знаю я, — пишет Кривенко, — но что же делать, если без нее нельзя жить, если она в истории играет теперь большую роль, чем все мечи и пушки, вместе взятые»⁸.

Идейные противники народников неоднократно критиковали их за «наивное мессианство», в общем-то, справедливо доказывая, что полное отрицание радикальной интеллигенцией современной русской действительности велось в силу таких идеалов, которые шли дальше реальных потребностей основного населения страны⁹. Подлинное назначение образованного общества, утверждали, например, известные либералы К. Д. Кавелин, В. А. Гольцев, А. Н. Пыпин, в служении великому делу народного просвещения. Трудящиеся классы должны были усвоить «культурные понятия» общества, необходимые им для «правильной» личной и гражданской жизни. В других вопросах, включая судьбу русского капитализма, интеллигенция была абсолютно бессильна до тех пор, пока она не заинтересует в их решении русское правительство¹⁰. Однако впоследствии даже «злейшие враги» легальных народников, русские марксисты, признают, что до революции

1905 г. именно демократическая интеллигенция представляла собой «единственный слой, в массе непримиримый к самодержавию», «единственный активный элемент прогресса». По мнению Ю. О. Мартова и П. Б. Струве, она была единственной группой, способной к борьбе за устранение препятствий на пути русского пореформенного развития и, следовательно, главной движущей силой русского освободительного движения, «историческим преемником казачества»¹¹.

Основная преграда, о которую, действительно, споткнулось народничество, — это разобщение интеллигенции с народом, препятствующее распространению в массы ее просветительских идей. Уже после знаменитого «хождения в народ» 1874—1875 гг. для многих народников стало очевидным, что понятия народа об общественной жизни радикально противоположны соответствующим взглядам интеллигенции. Массы привыкли слепо следовать традиции и верить только своим авторитетам (мир, царь, Бог), тогда как интеллигенция выработала собственное мирозерцание критическим отношением к традициям, опираясь на истины, добытые наукой¹². Преодолеть это внутреннее отчуждение, поддерживаемое властью с помощью «полицейских рогаток», было практически невозможно.

Идеологи реформаторского народничества 80—90-х гг. XIX в. принадлежали к идейным наследникам великих учителей русской интеллигенции. Теоретически они прекрасно понимали, что истинный общественный прогресс «бывает только там, где общественное дело двигает не одна интеллигенция, а весь народ»¹³. С начала 1880-х гг. не только правонародническая «Неделя», но и «Отечественные записки» (во внутренних обозрениях С. Н. Кривенко), «Русское богатство» Л. Е. Оболенского, а потом и «Северный вестник» (в статьях В. П. Воронцова) настойчиво приглашали интеллигенцию «встать в ряды народа», чтобы совместными усилиями подготовить крестьянские массы к новой для них исторической роли.

Практическая программа превращения деревни в центр русской жизни, отстаиваемая народниками, была призвана согласовать государственные и народные интересы. Она предполагала организацию народной промышленности, основанной на артельных началах, неотложное решение проблемы крестьянского малоземелья (с помощью земельного кредита, переселений и выкупа земли государством у частных собственников), приобщение простого народа к таким «элементарным» благам человеческой цивилизации, как законность, «охранение» прав личности, свобода деятельности и развития.

В. П. Воронцов, И. И. Каблиц-Юзов, Л. Е. Оболенский и другие теоретики правого народничества вполне сознательно мечтали привести народ к такому состоянию, когда он мог бы справляться со своими экономическими нуждами и моральными болезнями вполне самостоятельно. Они хотели освободить народ от полного подчинения так называемым командующим классам и самой интеллигенции¹⁴. Однако на практике крестьянство все более и более превращалось не в субъекта истории, а в объект попечительной заботы земства и частной инициативы «культурных одиночек».

Капитализм подрывал благосостояние народа, безжалостно разрушая хваленые отцами народничества общинные устои. Все это заставляло новое поколение идеологов интеллигенции, по крайней мере на время, «забыть» о широких общественных задачах (создании предпосылок для утверждения нового общественного строя) и задуматься о необходимости оказания деревне неотложной «культурной» помощи в ее повседневной борьбе за выживание. Народу нужны были простые оплачиваемые труженики (учитель, врач, акушерка, ветеринар, адвокат, агроном, статистик, писарь, офеня и т.п.), хорошо знающие свое дело и не боящиеся серой, будничной работы. Осознание демократической русской интеллигенцией самоценности этой мирной культурной деятельности (т.е. значения личного служения общественным потребностям через «профессию»), преодоление комплекса социальной вины за якобы «заедание чужого хлеба» означали ее переход на более высокую ступень гражданской и нравственной зрелости. Практическим результатом хозяйственной и просветительской деятельности интеллигенции в пореформенной деревне стал общий культурный подъем народа и, как заметил по этому поводу В. П. Воронцов, «подготовка его к тому, чтобы он был способен осуществить формулу народничества»: «все для народа и через посредство народа»¹⁵.

Конечно, занятие «малыми делами» имело свои резоны, особенно в 80—90-е гг. XIX в., когда иные виды общественной деятельности встречали на своем пути серьезные внешние преграды. Но «тихая культурная работа» сама по себе не могла избавить страну от необходимости проведения давно назревших социально-экономических и политических преобразований. Не случайно теория «малых дел» вызывала резкое неприятие, прежде всего, у сторонников политической борьбы с самодержавием.

Бессменный лидер левого крыла реформаторского народничества Н. К. Михайловский видел первоочередную задачу русской жизни после отмены в 1861 г. крепостного права в немедленном

изменении существующего политического режима. «Предоставьте русской интеллигенции свободу мысли и слова, — писал публицист в январе 1882 г., — и, может быть, русская буржуазия не съест русского народа; наложите на уста интеллигенции печать молчания — народ будет, наверное, съеден»¹⁶. В возможность пробуждения самосознания масс и их активное участие в деле свержения самодержавно-бюрократического строя Михайловский не верил. По его мнению, скорее был возможен обратный вариант развития событий: «По-настоящему раскачается народ тогда, когда этот режим уже станет достоянием истории»¹⁷. Поэтому борьбу за идеалы прогресса Михайловский и его единомышленники перекладывали на плечи интеллигенции, пророча ей роль «титана-освободителя».

Итак, имела ли демократическая русская интеллигенция особое историческое предназначение или это всего лишь миф, порожденный народнической идеологией и усвоенный «массовым» интеллигентским сознанием. Думаем, что даже сегодня невозможно ответить на этот вопрос однозначно.

Русская интеллигенция (как профессиональная корпорация работников умственного труда) никогда не представляла собой единой общественной силы, способной выступить в роли «руководителей и спасителей» русского народа. По своему социальному положению она распадалась на дворянство, буржуазию, крестьянство, пролетариат и стремилась выражать идеалы и интересы той социальной среды, к которой она принадлежала. С этой точки зрения, которую в XIX в. активно развивали русские консерваторы, у нее не могло быть никаких особых исторических задач, помимо общенациональных, складывающихся из задач всех сословий, входящих в русскую нацию. Однако каждое правило имеет свои исключения. Для правила, выведенного консервативной идеологией, таким исключением оказалась «разночинская» интеллигенция (или, как говорили тогда, «образованные не дворяне»). Она, действительно, выпадала из старой сословной структуры общества по причине ее постепенной трансформации и утверждения в стране новых, буржуазных отношений. И хотя «бессословность» разночинцев была явлением временным, идеологи некапиталистического пути развития России сумели таки воспользоваться «незрелостью» демократической интеллигенции и направить ее в массы в качестве главного проводника народнической теории социального прогресса.

В настоящее время в исторической литературе, по существу возрождается определение интеллигенции, данное ей в последней трети XIX в. теоретиками русского народничества. Например, в

фундаментальном труде Б. Н. Миронова «Социальная история России» интеллигенцией называется «та часть образованного общества, которая находилась в той или иной степени в оппозиции к режиму»¹⁸. Если следовать логике данного подхода (т.е. понимать под интеллигенцией образованных людей, объединенных идеями «известного направления»), то мы должны будем признать наличие у нее специфической общественной задачи, которая не стояла перед интеллигенцией других европейских стран. Что же это за историческая задача?

Анализируя идейное наследие главных идеологов реформаторского народничества, можно прийти к выводу, что в конечном счете все они стремились консолидировать молодую русскую нацию на совершенно новой, не известной цивилизованному миру *бесклассовой* основе. В 70—90-е гг. XIX в. теория крестьянского общинного социализма была настоящим евангелием образованной русской молодежи. По воспоминаниям народников, именно это учение обратило их внимание на положение простого народа и заставило задуматься над возможностью скорейшего избавления его от ужасающей нищеты и каждодневных невыносимых страданий. С другой стороны, народничество русской интеллигенции было своеобразной попыткой облечь в ее «разумные, просвещенные формы» утопические представления самого крестьянства об обществе всеобщего согласия, равенства и коллективизма. Однако подлинные причины возникновения народничества лежат глубже «идеалистических мечтаний» интеллигенции и народа.

На наш взгляд, ближе всех к пониманию сущности народничества и его специальной задачи подошел один из творцов этой идеологии В. П. Воронцов. По его мнению, «социализм» был всего лишь внешней оболочкой народнического движения, одним из мощных средств его активизации, но никак не самоцелью. Исторические корни народничества — «в противоречии между задачами государственного преобразования России, как они представлялись уже в начале александровских реформ... и объемом наличных для того сил...»¹⁹. Россия давно уже созрела для демократизации ее экономической и политической жизни, но была обречена «топтаться на одном месте» до тех пор, пока в эти процессы не были вовлечены широкие народные массы. Образовать в народе самостоятельную социально-культурную, а затем и политическую силу, способную к систематической борьбе за необходимые реформы, — в этом заключалась историческая задача демократической русской интеллигенции. Другой вопрос — почему, несмотря на многочисленные попытки сближения с на-

родными массами, они так и не признали в «передовой» интеллигенции своего духовного вождя.

В конечном счете чрезмерно идейную и народолюбивую русскую интеллигенцию погубили те же самые причины, которые вызвали к жизни этот социально-исторический феномен: неразвитость социальной структуры России, отсутствие сильного среднего класса (буржуазии), который мог бы возглавить борьбу за экономическую и политическую модернизацию страны. В этом первопричина неудачи всего дела демократической интеллигенции. Оказавшись «зажатой» между властью и народом (молотом и наковальней), она постоянно металась из крайности в крайность, от одной «универсальной» социальной теории к другой, но так и не сумела найти для России особого «русского» (сокращенного и менее болезненного для простых россиян) пути построения гражданского общества и правового государства.

¹ См.: *Виленская Э. С.* Н. К. Михайловский и его идейная роль в народническом движении 70-х — начала 80-х годов XIX в. М., 1979; *Харламов В. И.* Каблиц (Юзов) и проблема «народ и интеллигенция» в легальном народничестве на рубеже 70-80-х годов XIX в. // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8, История. 1980. № 4; *Балуев Б. П.* Либеральное народничество на рубеже XIX—XX веков. М., 1995; *Зверев В. В.* Н.Ф. Даниельсон, В. П. Воронцов: Два портрета на фоне русского капитализма. М., 1997; *Он же.* Реформаторское народничество и проблема модернизации России: От сороковых годов к девяностым годам XIX в. М., 1997; *Мокшин Г. Н.* С. Н. Кривенко. Очерк жизни и деятельности (1847—1906). Воронеж, 1998; и др.

² Подробнее см.: *Дворкин В. З.* Концепция интеллигенции в социальной философии народничества // Философия и освободительное движение в России. Л., 1989.

³ *Кривенко С. Н.* Собр. соч. СПб., 1911. Т. 2. С. 281.

⁴ *В. В.* [Воронцов В. П.] От семидесятых годов к девятистам: Сб. ст. СПб., 1907. С. 217—218.

⁵ *Кривенко С. Н.* Указ. соч. С. 281.

⁶ *В. В.* [Воронцов В. П.] Наши направления. СПб., 1893. С. 50, 58, 107—114; *Кривенко С. Н.* Указ. соч. С. 112; *Михайловский Н. К.* Полн. собр. соч. СПб., 1908. Т. 5. Стб. 515; и др.

⁷ *Кривенко С. Н.* Указ. соч. С. 193.

⁸ Там же.

⁹ См., например: [Полонский Л.] Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1876. № 8. С. 791—792.

¹⁰ См.: *Кавелин К. Д.* Крестьянский вопрос // Вестник Европы. 1881. № 11. С. 121; *Т. [Гольцев В. А.]* Литература и жизнь // Русская мысль. 1889. № 3. С. 179, 181; *Пыпин А.* Народная грамотность // Вестник Европы. 1891. № 1. С. 257.

¹¹ См.: *Мартов Ю.* Общественные и умственные течения в России 1870—1905 гг. Л.; М., 1924. С. 40; *Струве П. Б.* Интеллигенция и революция // Вехи. Интеллигенция в России: Сб. ст. 1909—1910. М., 1991.

С. 138. См. также: *Иорданский Н.* Вопросы текущей жизни. Кризис интеллигенции // Современный мир. 1908. № 2. С. 85—90; *Череванин Н.* Движение интеллигенции (До эпохи «доверия» кн. Святополка-Мирского) // Общественное движение в России в начале XX в. СПб., 1909. С. 261.

¹² *В.В. [Воронцов В. П.]* От семидесятых годов к девятисотым. С. 24.

¹³ *Каблиц И.* Интеллигенция и народ в общественной жизни России. СПб., 1886. С. 145.

¹⁴ См.: *В. В. [Воронцов В. П.]* Критик народничества // Русское богатство. 1893. № 4. С. 24; *Каблиц И.* Указ. соч. С. 106, 213; *NN [Оболенский Л. Е.]* Народ и интеллигенция // Мысль. 1881. № 4. С. 102.

¹⁵ *В. В. [Воронцов В. П.]* Народничество, как общественное направление, — его исторические корни // Политическая энциклопедия. СПб., 1907. Т. 2. Вып. 7. С. 1091.

¹⁶ *Михайловский Н. К.* Указ. соч. Стб. 566.

¹⁷ См.: *Чернов В. М.* Перед бурей. Воспоминания. М., 1993. С. 62.

¹⁸ *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). СПб., 2000. Т. 2. С. 110.

¹⁹ *В. В. [Воронцов В. П.]* «Корни» народничества семидесятых годов // Вестник Европы. 1913. № 4. С. 167.

Е. Е. Топильская

ТРАДИЦИОННЫЙ КАДЕТСКИЙ ЖАРГОН: ПУТИ И СРЕДСТВА АКТУАЛИЗАЦИИ

Кадетский жаргон (КЖ) представляет особый интерес как явление неисследованное, что особенно заметно (хотя бы по отсутствию соответствующих публикаций) на фоне возросшего внимания к жаргонам в целом и армейскому жаргону в частности¹. Однако можно предположить, что, будучи явлением социально ограниченным, как и иные виды жаргонов, КЖ не лишен собственной ниши в системе русского национального языка и его диалектной подсистеме. При этом КЖ несет известные типологические общежаргонные черты². От иных же жаргонных подсистем его отличают в первую очередь фиксация в речи значительного числа носителей (кадет и их наставников) и регулярность в употреблении, а также стилистическая маркированность и экспрессивность. Принимая во внимание указанные критерии, следует подчеркнуть его особое место в системе русского национального языка.

Резкая специфика КЖ обусловлена действием двух типов факторов — собственно языковых и экстралингвистических. Во-первых, КЖ отличает хронологическая дискретность. Судьба насчи-